Данил Харченко

Пока растут белые цветы

Данил Харченко

Пока растут белые цветы

«Автор»
2026

Харченко Д.

Пока растут белые цветы / Д. Харченко — «Автор», 2026

В небольшом прибрежном городке Блэквуд пятеро друзей каждое воскресенье встречаются на старом кладбище Святого Иуды. За чашкой кофе они говорят о книгах, музыке и повседневных мелочах, смеются и делятся тем, что не всегда готовы рассказать другим.Для Оуэна Харпера эти встречи стали чем-то большим, чем просто традицией. Здесь он нашёл близких друзей и встретил Нору — девушку, в которую постепенно влюбился. Но некоторые чувства остаются без ответа, а некоторым историям любви, кажется, изначально не суждено получить счастливый финал.

© Харченко Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. 5
Глава 2. 13
Глава 3. 26
Глава 4. 33
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Данил Харченко
Пока растут белые цветы

Глава 1.

В штате Мэн, где Атлантический океан с силой разбивается о темные прибрежные скалы, а сосновые леса тянутся на многие километры, стоит небольшой город Блэквуд. Здесь живет чуть больше десяти тысяч человек. Достаточно мало, чтобы кассир в продуктовом магазине знал покупателей по именам, почтальон здоровался с каждым встречным, а официант в кофейне начинал готовить любимый напиток постоянного посетителя еще до того, как тот откроет дверь.

Город появился в начале XIX[1] века. Когда-то сюда приходили китобойные суда, а небольшая бухта была заполнена деревянными рыбацкими лодками. Сегодня от тех времен остались лишь старые склады у набережной, несколько выцветших фотографий в городском музее и тяжелые чугунные кольца, вмурованные в каменный причал. На них до сих пор можно заметить следы ржавчины от цепей, которыми когда-то швартовали корабли.

Главная улица Блэквуда начинается у городской площади с небольшими клумбами и памятником основателям города. Здесь расположились булочная, семейная кофейня «Соленый ветер», книжный магазин, антикварная лавка, почтовое отделение и несколько маленьких магазинчиков, витрины которых почти не менялись десятилетиями. По вечерам над улицей зажигаются старые фонари с теплым желтым светом, а из открытых окон ресторанов доносится запах жареной рыбы, свежего хлеба и яблочного пирога.

Туристы приезжают сюда не ради шумных развлечений. Их автобусы останавливаются всего на несколько часов. За это время экскурсовод успевает провести группу по набережной, рассказать историю Великого шторма 1974 года, показать белоснежный маяк на восточной скале, небольшую смотровую площадку над океаном и старые рыбацкие дома, которые, по словам местных, почти не изменились за последние сто лет. Затем гости покупают открытки, баночку черничного варенья, фотографируются на фоне маяка и отправляются дальше, считая, что увидели весь Блэквуд.

Местные лишь улыбаются.

Они знают, что настоящий город начинается там, куда не ведут туристические маршруты.

Стоит свернуть с центральной улицы, пройти мимо последних домов и углубиться в сосновый лес, как шум машин постепенно растворяется. Вместо него слышится только ветер, гуляющий между высокими стволами, мерное потрескивание ветвей и редкие крики чаек, долетающие со стороны океана. Землю под ногами почти полностью скрывает мягкий ковер из бурой хвои. Воздух пахнет смолой, влажной древесиной и морской солью.

Тропа неторопливо поднимается вверх, петляя между деревьями. Иногда сквозь сосны мелькает белая башня маяка, затем снова исчезает. Еще через несколько минут лес неожиданно расступается.

На вершине холма находится кладбище Святого Иуды.

Официально его закрыли в 1978 году. Новых захоронений здесь больше не появлялось, и со временем это место перестало ассоциироваться у жителей со смертью. Старые гранитные плиты покрылись густым мхом, между ними разрослись папоротники, плющ медленно оплел каменные кресты, а узкие дорожки каждую осень скрывались под опавшей хвоей и кле-

[1] *XIX — девятнадцатый век.*

новыми листьями. Над всем этим возвышалась старая часовня с потрескавшимися стенами и разбитыми витражами, настолько привычная глазу, что никто уже не воспринимал ее как нечто мрачное.

На самой высокой точке холма располагалась широкая поляна. Отсюда открывался вид почти на весь Блэквуд.

Каждое воскресенье сюда приходили пять человек.

Никто в городе не мог вспомнить, чтобы видел их вместе где-нибудь еще. Они не сидели в барах, не собирались на городских праздниках и не задерживались на площади после работы. Их встреча всегда начиналась одинаково.

Кто-то приносил термос с горячим чаем, кто-то — бумажные стаканы с кофе из «Соленого ветра», кто-то — домашнюю выпечку или очередную книгу, которую хотел дать почитать друзьям. Пледы расстилали прямо на траве между старыми кленами и надгробиями, садились полукругом и оставались здесь до самого вечера.

Они разговаривали обо всем на свете. О книгах, музыке, работе, погоде, нелепых историях, произошедших за неделю. Иногда спорили. Иногда просто молчали, слушая ветер и далекий шум прибоя.

Для любого случайного прохожего они были всего лишь компанией друзей, выбравшей довольно необычное место для воскресных встреч.

Оуэн Харпер опустился на край клетчатого пледа и обхватил ладонями бумажный стаканчик с кофе. Тепло медленно возвращалось к замерзшим пальцам. Ночь выдалась холодной, и даже к полудню трава на вершине холма оставалась влажной от инея. Осень в Блэквуде уже почти смирилась с тем, что скоро уступит место зиме.

Он сделал небольшой глоток и посмотрел вдаль.

Отсюда город казался удивительно спокойным. Между соснами виднелись крыши домов, над океаном неподвижно висел туман, а белая башня маяка отчетливо выделялась на фоне серого неба. Ветер лениво перебирал верхушки деревьев, донося запах соли и хвои.

На кладбище, как обычно, было пусто.

Даже часовня сегодня стояла без своих случайных посетителей. Обычно по воскресеньям там прятались школьники, сбежавшие с дополнительных занятий, или компании подростков, решившие выпить дешевый сидр подальше от родителей. Сегодня же вокруг царила такая тишина, что где-то внизу отчетливо слышались крики чаек.

Совсем рядом негромко перебирал струны Лукас Беннет. Высокий, худощавый, с узким лицом и темными волосами до плеч, которые он время от времени лениво убирал за ухо, Лукас и сам немного напоминал музыканта с обложки старой пластинки. Он никогда не играл громко — скорее разговаривал с гитарой, чем исполнял музыку. Его длинные пальцы легко скользили по струнам, иногда задерживались на одном аккорде, меняли его, пробовали другой, и мелодии рождались сами собой, а затем так же незаметно исчезали, растворяясь в шуме океана. Когда-то Лукаса знали далеко за пределами Блэквуда. Он выступал в пабах вдоль побережья, ездил на небольшие музыкальные фестивали и возвращался домой с новыми историями. Теперь же большую часть времени проводил в своей мастерской «Седьмая струна», возвращая к жизни старые гитары, скрипки и пианино. Казалось, его это совершенно устраивало. Даже сегодня он выглядел так, будто никуда особенно не торопился: потертые джинсы, коричневая куртка с закатанными рукавами и несколько тонких серебряных колец на пальцах. Одно из них тихо постукивало о корпус гитары каждый раз, когда Лукас менял положение руки.

Софи Миллер уже почти спала. Она лежала, натянув капюшон серого худи почти до самого носа, и держала в руках стакан с кофе, который давно перестал быть горячим. Из-под капюшона выбились короткие светло-каштановые волосы, растрепанные после смены, а на круглом лице совершенно не осталось следов той сосредоточенности, с которой Софи обычно разговаривала о работе. Сейчас она выглядела моложе своих лет и ужасно уставшей. После

ночных смен в городской больнице она каждый раз обещала, что сегодня обязательно продержится до вечера, но неизменно сдавалась через полчаса. Никто больше не пытался ее будить. Иногда, проснувшись, Софи доставала небольшой блокнот и несколько минут что-то рисовала акварельными карандашами, после чего так же молча убирала его обратно в рюкзак. Во время рисования она смешно морщила свой маленький нос и закусывала нижнюю губу, полностью переставая замечать окружающих. Что именно появлялось на этих страницах, не знал никто.

Чуть поодаль, на складном походном стуле, сидел Мартин Роу. Он был единственным, кто никогда не устраивался на пледе. Говорил, что спина уже не та, чтобы потом подниматься с холодной земли, хотя друзья подозревали, что дело скорее в привычке. Мартин вообще производил впечатление человека, у которого для каждой вещи существовало определенное место, а для каждого действия — правильное время. Его седые волосы были аккуратно зачесаны назад, густые брови почти сходились над переносицей, когда он читал, а круглые очки в тонкой металлической оправе постоянно сползали по длинному носу. На коленях у него лежал толстый блокнот, исписанный мелким аккуратным почерком. Время от времени Мартин делал заметки к предстоящим лекциям, задумчиво поправлял очки и надолго замолкал, наблюдая за качающимися соснами. На нем, как обычно, были темные вельветовые брюки и шерстяной кардиган поверх рубашки. Оуэн ни разу не видел Мартина в спортивной одежде и почему-то был уверен, что тот даже мусор выносит в чем-нибудь с воротником.

Нора Эллис сидела, поджав под себя ноги, и ловко переплетала тонкие веточки плюща с яркими осенними листьями. Ее длинные рыжевато-русые волосы сегодня были собраны сзади простой лентой, но ветер постепенно вытаскивал из прически отдельные волнистые пряди и разбрасывал их по веснушчатым щекам. Нора то и дело сдувала волосы с лица, не отрываясь от работы. На ней было светлое платье в мелкий цветочный рисунок, поверх которого она накинула толстый зеленый кардиган с деревянными пуговицами. Оуэн давно заметил, что Нора одевалась немного старомодно, но именно на ней такие вещи почему-то не выглядели одеждой из чужого шкафа. Через несколько минут венок был готов, и она, едва улыбнувшись, протянула его Софи, которая, скорее всего, даже не заметит подарка до пробуждения. Рядом стоял термос с ее фирменным травяным чаем. Каждое воскресенье вкус немного отличался, но сколько бы Оуэн ни пытался узнать рецепт, Нора лишь улыбалась, слегка щуря свои светлые глаза, и говорила, что некоторые вещи должны оставаться маленькими секретами.

Со стороны они казались обычной компанией друзей.

Но только на кладбище.

За его воротами каждый возвращался к собственной жизни. Оуэн ухаживал за деревьями в парке «Редстоун», Лукас ремонтировал инструменты, Софи пропадала на дежурствах, Мартин читал лекции студентам, а Нора проводила дни среди цветов в своей мастерской.

Они почти не созванивались.

Не переписывались.

У них не было общего чата, еженедельных договоренностей или сообщений вроде «увидимся в воскресенье».

И все же каждую неделю, в одно и то же время, все пятеро приходили на вершину холма так, словно их сюда приводило нечто гораздо более надежное, чем обычная человеческая привычка.

— Красивый венок, — сказал Лукас, откладывая гитару рядом с собой. Он чуть подался вперед, рассматривая аккуратно переплетенные веточки плюща и поздние полевые цветы. — Неужели ты каждый раз делаешь новый?

Нора подняла голову. Из-под клетчатого шарфа выбилась прядь волос. Она привычным движением убрала ее за ухо, и Оуэн успел заметить, как от смущения у нее слегка порозовели щеки.

— Конечно, — тихо ответила она. — Разве бывают одинаковые цветы?

Лукас усмехнулся.

— Не знаю. Я в них разбираюсь примерно так же, как ты в гитарах.

— Зато гитары хотя бы не вянут.

— Еще как вянут, если попадают не в те руки.

Нора улыбнулась, но спорить не стала. Она поднялась с пледа и медленно подошла к старому кусту полевых цветов, выросшему прямо возле покосившегося надгробия. Несколько белых бутонов каким-то чудом пережили первые заморозки.

Она осторожно провела пальцами по лепесткам.

— Посмотрите... Они до сих пор цветут.

Оуэн перевел взгляд на цветы. И правда. Для конца октября это казалось немного странным.

— Красивые, — сказал он.

Нора сорвала один цветок и несколько секунд молча рассматривала его.

— Жалко, что недолго.

Она вплела его в венок так бережно, будто боялась повредить каждый лепесток.

Позади тихо заворочалась Софи. Она что-то невнятно пробормотала во сне, перевернулась на другой бок, натянув капюшон уже почти до самого подбородка.

Оуэн поднял край пледа и осторожно укрыл ей плечи.

— Крепко же она спит.

— После ночной смены неудивительно, — спокойно произнес Мартин, не отрывая взгляда от раскрытой книги. — Организм всегда берет свое. Особенно на свежем воздухе.

Он снял очки, устало потер переносицу и посмотрел поверх страниц.

— Вообще лес действует лучше любого успокоительного. Иногда думаю, что именно поэтому никогда не открываю окна во время лекций.

Лукас рассмеялся.

— А я-то был уверен, что твои студенты засыпают исключительно из-за архитектуры.

Мартин невозмутимо посмотрел на него.

— Некоторые — да.

Все негромко засмеялись.

Даже Софи, не просыпаясь, едва заметно улыбнулась во сне.

Нора вернулась к пледу, снова села на колени и продолжила плести венок.

— Как там университет? — спросила она, не поднимая головы. — Первокурсники уже перестали бояться твоих заданий?

— Нет, — ответил Мартин. — Они пока уверены, что архитектура — это красивые фасады и вдохновение. Обычно это проходит к первой сессии.

— Жестоко.

— Зато честно.

Она понимающе кивнула.

— Иногда мне кажется, что я многое упустила.

Мартин вопросительно поднял бровь.

— Ты о чем?

— Хотела когда-то поступить. Не на архитектуру... Просто учиться. А потом появилась работа, и как-то уже не до этого стало.

— Так поступай сейчас, — спокойно сказал он. — Никто не запрещает.

Нора тихо усмехнулась.

— Если я уйду учиться, мой магазин останется без флориста.

— А директор?

Она подняла глаза, они замерцали зеленым цветом.

— Ты же знаешь моего директора. Он появляется ровно настолько, чтобы проверить кассу, полить один несчастный кактус и снова исчезнуть до следующей недели.

Лукас прыснул со смеху.

— Зато кактус чувствует себя важным сотрудником.

Нора рассмеялась уже громче.

Солнце медленно опускалось к линии океана. Сквозь плотные облака пробивались последние лучи, окрашивая серое небо в мягкие золотистые оттенки. Длинные тени старых надгробий вытянулись по траве, а ветер стал заметно холоднее.

Встреча подходила к концу.

Мартин неторопливо сложил походный стул, убрал его в большую потертую сумку вместе с книгой и почти пустым термосом. Лукас застегнул чехол с гитарой и привычным движением закинул его на плечо. Нора осторожно коснулась плеча Софи.

Софи что-то недовольно пробормотала, затем приоткрыла глаза.

— Уже?

— Уже.

Она медленно села, сонно потерла лицо и вдруг заметила у себя на голове венок.

Осторожно сняв его, Софи улыбнулась.

— Какая красота... Это мне?

Нора кивнула.

— Конечно.

— Спасибо.

Она крепко обняла подругу, и Нора тихо рассмеялась.

Оуэн поднялся, закинул рюкзак на плечо и, помахав друзьям рукой, начал спускаться по холму. Тропинка извивалась между старыми могилами, скрывавшимися под густым мхом. Под ногами тихо похрустывала хвоя, а ветер время от времени срывал с кленов последние листья.

У подножия холма, прислоненный к старому каменному забору, стоял велосипед Оуэна.

Он уже собирался надеть шлем, когда почувствовал на себе чей-то взгляд.

Нора.

Она стояла наверху, придерживая шарф рукой, чтобы его не унес ветер.

Заметив, что Оуэн обернулся, она улыбнулась и легко помахала ему.

Совсем короткое движение.

Но почему-то именно его он ждал каждое воскресенье.

Оуэн невольно улыбнулся в ответ, надел шлем и, оттолкнувшись ногой от земли, покатил по узкой лесной дороге.

Сосновый лес быстро поглотил последние звуки кладбища. Днем здесь всегда было спокойно. Сквозь высокие стволы пробивался тусклый осенний свет, под колесами мягко пружинил мох, а где-то вдалеке негромко журчал ручей. Ночью сюда не ходил почти никто. Старики рассказывали, что в густом тумане лес умеет путать дороги, и человек может выйти совсем не туда, куда собирался. Дети верили, будто между деревьями до сих пор бродят призраки рыбаков и моряков, погибших во время Великого шторма. Взрослые лишь усмехались, объясняя эти истории куда проще: в глубине леса росли редкие растения, занесенные в Красную книгу, а страшные сказки были самым надежным способом удержать любопытных подальше от чащи.

Оуэн никогда особенно не верил в подобные рассказы.

Через несколько минут деревья начали редеть. Впереди показалась развилка. Дорога налево уходила к маяку, направо — в центр Блэквуда, а узкая улочка, по которой свернул Оуэн, спускалась к самому побережью. Она называлась *Клифф-роуд*. Когда-то здесь селились капитаны китобойных судов, позже — рыбаки, а теперь жили самые обычные семьи, которым просто нравился вид на океан.

Дома на улице были почти одинаковыми: старые, деревянные, с широкими верандами и высокими окнами. Где-то облупилась белая краска, где-то покосились перила, но никто не торопился что-то менять. В Блэквуде не любили новостройки. Здесь считали, что дом должен стареть вместе со своими хозяевами.

Возле обочин стояли автомобили, которые давно стали частью пейзажа. Темно-зеленый «Форд» соседа-рыбака, кремовый «Шевроле», хозяин которого обещал восстановить его уже лет десять, аккуратный темно-синий «Вольво», блестевший так, будто только вчера сошел с конвейера, и маленький красный «Фольксваген», принадлежавший пожилой миссис Хейз. Она ездила на нем в продуктовую лавку с такой осторожностью, словно перевозила хрусталь.

Дом, где снимал квартиру Оуэн, стоял почти у самого края скалы. Старое трехэтажное деревянное здание покоилось на мощных сваях, глубоко вбитых в каменистую землю. Во время сильных штормов ветер гулял под домом с таким гулом, что по ночам иногда едва заметно дребезжали стекла, но жильцы давно привыкли к этим звукам.

Пока Оуэн ставил велосипед возле лестницы, его уже привычно встретила Пеппа — маленькая лохматая собака с первого этажа. Она громко тявкнула, несколько раз обежала вокруг велосипеда и сразу же завиляла хвостом, требуя внимания.

— Привет, хулиганка, — улыбнулся Оуэн, почесав ее за ухом.

Поднявшись на третий этаж, он открыл дверь квартиры, снял шлем и оставил его у стены. Внутри было тихо. Только старые деревянные половицы привычно поскрипывали под ногами.

Эта квартира никогда не казалась ему временным жильем. Из широкого окна гостиной открывался вид на океан. Ниже, у подножия темных скал, одна за другой разбивались волны, оставляя после себя длинные полосы белой пены. Чуть правее далеко в воду уходил старый деревянный пирс Моргана. Его потемневшие доски давно пропитались солью, часть перил покосилась, а во время прилива ветер доносил до дома едва различимый скрип дерева.

Со временем Оуэн перестал смотреть на часы по вечерам. Океан сам подсказывал время. Каждый день, примерно в половине седьмого, прилив становился сильнее. Волны начинали биться о скалы громче обычного, чайки поднимались над берегом, а старый пирс отзывался протяжным скрипом, который ветер приносил прямо к его окну. За шесть лет этот звук стал настолько привычным, что без него Оуэн уже не представлял себе ни одного вечера.

Оуэн прошел на небольшую кухню. Она была тесной, но удивительно уютной. Старый деревянный гарнитур с потемневшими от времени дверцами, круглый стол у окна, два разных стула — один со слегка расшатанной спинкой, второй с потертой кожаной подушкой, — высокий холодильник, на котором за годы накопилось столько магнитов, что белой эмали почти не осталось видно. Почти все они были привезены соседями из поездок: маяк из Портленда, деревянный лось из Бар-Харбора, крошечная лодка из Бостона. Сам Оуэн никогда ничего не коллекционировал, но почему-то не снимал их.

Он достал из хлебницы несколько ломтиков зернового хлеба, положил их в тостер, затем открыл холодильник. Банка тунца, масло, маринованные огурцы и помидор — этого вполне хватало для позднего ужина. Готовил он редко. Скорее потому, что не видел смысла тратить час на блюдо, которое съест за десять минут.

Пока хлеб подрумянивался, взгляд сам собой остановился на фотографии, закрепленной магнитом в форме Портленского маяка.

Они с Норой.

Снимок сделали летом. Лукас тогда бегал по поляне среди могил со стареньким моментальным фотоаппаратом и фотографировал всех подряд, уверяя, что цифровые снимки никогда не проживут так долго, как бумажные. Большинство карточек давно лежали у кого-то в ящиках столов или между страниц книг, а эту Оуэн почему-то сразу повесил на холодильник.

На фотографии Нора смеялась.

Ветер растрепал ее рыжеватые волосы, и солнечный свет делал их почти золотыми. Веснушки на курносом носу были отчетливо видны даже на маленьком снимке, а в глазах отражалось летнее небо. Она никогда не позировала. Просто жила, и именно это почему-то всегда получалось на фотографиях лучше всего.

Оуэн вдруг поймал себя на мысли, что знает о ней удивительно мало.

За два года воскресных встреч он так и не узнал, где она живет. Не видел ее дома. Не знал номера телефона. Более того, он вообще ни разу не видел у нее мобильного. В двадцать первом веке это казалось почти невозможным. Нора не вела социальных сетей, не переписывалась в мессенджерах и никогда не говорила: «Напиши мне вечером». Если ей нужно было что-то сказать, она говорила это при встрече. А если не успевала — значит, разговор мог подождать до следующего воскресенья.

Странно.

И почему-то совсем не казалось странным именно в ее случае.

Громкий щелчок тостера заставил Оуэна вздрогнуть. Он невольно усмехнулся самому себе, намазал теплый хлеб маслом, размял вилкой тунца, добавил несколько кружков помидора и огурца, после чего поставил тарелку на деревянный поднос вместе с большой кружкой крепкого черного чая.

Гостиную освещала только настольная лампа. Компьютер тихо гудел, ожидая, когда хозяин нажмет кнопку питания. Стол был заставлен книгами, распечатками, пожелтевшими газетными вырезками и картами Блэквуда разных лет. На одной из них еще не существовало северного района. На другой отсутствовала дорога к маяку. На третьей кладбище Святого Иуды занимало почти вдвое большую территорию, чем сегодня.

История города неожиданно увлекла его несколько месяцев назад. Не потому, что он надеялся найти какую-то тайну или подтвердить одну из местных легенд. Скорее наоборот. Оуэну хотелось понять место, в котором прошла почти вся жизнь его отца. Почему тот так и не уехал из Блэквуда, хотя мог это сделать десятки раз. Что вообще заставляет людей оставаться в небольшом прибрежном городе, где все знают друг друга по имени, а главным событием недели становится открытие новой пекарни или ремонт старого причала.

В самом Блэквуде не было ничего необычного. Таких городков вдоль побережья Мэна можно было найти десятки.

Отложив очередную книгу, Оуэн потянулся к небольшому радиоприемнику, стоявшему на подоконнике. Он включал его почти каждый вечер. Работать в полной тишине не хотелось, а телевизор уже больше месяца оставался бесполезным украшением гостиной. Хозяин квартиры обещал прислать мастера «на следующей неделе» столько раз, что Оуэн перестал ему верить.

Из динамика сначала зазвучала негромкая кантри-мелодия, затем ее сменил бодрый голос ведущего.

— До Хэллоуина остается меньше недели. Напоминаем, что в этом году праздничная ярмарка пройдет на Центральной площади, а традиционный конкурс костюмов начнется в семь часов вечера...

Оуэн машинально перелистнул страницу книги.

Хэллоуин никогда его особенно не интересовал. Последний раз он надевал костюм еще в младшей школе, когда вместе с друзьями бегал по соседним улицам с пластиковым ведерком для конфет. С тех пор этот праздник существовал для него лишь как напоминание о том, что осень подходит к концу.

Музыка снова ненадолго вернулась в эфир, после чего голос ведущего стал заметно серьезнее.

— А теперь о погоде. По данным Национальной метеорологической службы, к побережью Мэна приближается глубокий атлантический циклон. Жителям Блэквуда и соседних городов

рекомендуется без необходимости не выходить в море в ближайшие дни. Синоптики прогнозируют сильный ветер, проливные дожди и высокие волны.

Оуэн только хмыкнул.

Для Блэквуда подобные предупреждения давно стали привычной частью осени. Стоило океану немного рассердиться — и город на несколько дней исчезал за плотной стеной дождя. Ливни здесь были такими же обычными, как туман по утрам или соленый налет на оконных стеклах. Настоящей редкостью считались не штормы, а ясные дни.

Он сделал глоток чая и снова перевел взгляд на окно.

За стеклом океан продолжал мерно дышать, будто совершенно не собирался оправдывать тревожный прогноз синоптиков.

Глава 2.

Понедельник в Блэквуде неизменно начинался с гудка почтового грузовика. Старенький белый фургон мистера Харрисона медленно катился по Клифф-роуд, останавливаясь возле каждого дома, а сам почтальон, словно опасаясь, что кто-нибудь проспит, каждый раз коротко сигналил перед тем, как выйти с тяжелой сумкой, набитой письмами и газетами. Никто уже не обращал на это внимания. За шесть лет, проведенных в Блэквуде, Оуэн привык просыпаться именно под этот звук. Иногда ему даже казалось, что если однажды Харрисон не нажмет на клаксон, половина улицы опоздает на работу.

Повалявшись в кровати еще пару минут, он нехотя поднялся, накинул полосатый халат и, шаркая потертыми тапками по деревянному полу, направился в прихожую. Зеркало, висевшее возле входной двери, безжалостно показало все последствия сна: волосы торчали в разные стороны, легкая щетина уже заметно выделялась на скулах, а худощавое тело снова напомнило о купленном несколько месяцев назад абонементе в спортзал, который так и остался лежать в верхнем ящике письменного стола. Он затянул пояс халата потуже. Совсем не хотелось, чтобы соседи в очередной раз стали свидетелями его домашних семейных трусов с желтыми утками — подарка сестры на прошлое Рождество, который она почему-то считала невероятно смешным.

На улице было сыро и прохладно. Низкие облака медленно плыли над крышами, а первые лучи солнца только начинали пробиваться из-за соснового леса, окрашивая восточную часть неба в бледно-медовый цвет. Соленый ветер, пришедший со стороны океана, гулял между домами, раскачивал бельевые веревки и шевелил маленькие флажки на веранде дома через дорогу.

У длинного ряда зеленых почтовых ящиков уже собирались соседи. Старик Коллинз привычно ворчал на прогноз погоды, супруги Уилсоны спорили, кто сегодня повезет детей в школу, а миссис Хейз, увидев Оуэна, первой подняла руку.

— Доброе утро, милый.

— Доброе утро.

— Опять без шапки? Простудишься ведь.

Оуэн только улыбнулся и открыл свой почтовый ящик.

Внутри лежали два конверта.

Один — из Калифорнии. Мама по-прежнему предпочитала письма телефонным разговорам. Она говорила, что на бумаге мысли звучат честнее. Второй пришел из Европы, от младшей сестры, которая несколько лет назад переехала сначала учиться, а потом неожиданно осталась там жить.

Убирая конверты в карман халата, Оуэн почувствовал, как что-то мягко шлепнулось на асфальт.

Он опустил глаза.

Из кармана вместе с письмами выпали сложенные в несколько раз ярко-розовые носки с маленькими белыми ромашками. Видимо, они так и пролежали там после вчерашней стирки.

Несколько секунд он молча смотрел на них, после чего быстро поднял, надеясь, что никто ничего не заметил.

— Симпатичные, — совершенно серьезно произнес мистер Коллинз, поправляя очки. — Такие сейчас, наверное, модные.

Миссис Хейз тихо рассмеялась.

— Не смущайте мальчика.

Оуэн только покачал головой, спрятал носки обратно в карман и, пожелав всем хорошего дня, поспешил домой, чувствуя, как холодный воздух приятно бодрит после окончательно исчезнувшего сна.

На кухне уже закипал чайник. Скромная квартирка постепенно наполнялась привычными утренними звуками: тихо потрескивал старый холодильник, за окном пролетела стая чаек, а где-то вдалеке, со стороны бухты, протяжно прогудел рыболовецкий катер, выходивший в море.

Сегодня ему предстояло провести день в парке Редстоун. Осенью работы становилось меньше: клумбы пустели, деревья почти полностью сбрасывали листву, а большая часть времени уходила на подготовку оранжереи к зиме. Именно она была его главной гордостью. Почти каждый цветок под стеклянной крышей когда-то прошел через его руки.

Пока чай заваривался, Оуэн неожиданно поймал себя на мысли, что после работы не хочет сразу возвращаться домой. Воскресенья давно стали для него чем-то большим, чем просто выходной, но за воротами кладбища жизнь друзей словно растворялась. Он хотел бы знать чем они живут, а в особенности Нора. Ему вдруг стало любопытно увидеть ее не на холме среди старых надгробий, а в маленькой цветочной мастерской «Зеленый дом», среди букетов, влажной земли и запаха эвкалипта. В конце концов, их профессии были не так уж различны. Просто он выращивал цветы для всего города, а она помогала людям уносить их домой.

Позавтракав, Оуэн отправился в ванную. Его квартира не могла похвастаться простором. Ванная здесь была настолько тесной, что, открыв дверцу шкафчика над раковиной, приходилось отходить в сторону, иначе она упиралась прямо в плечо. Белая плитка местами пожелтела от времени, на чугунном полотенцесушителе проступили рыжие пятна ржавчины, а старая душевая кабина, установленная, наверное, еще в девяностых, тихо поскрипывала всякий раз, когда он переступал через высокий пластиковый поддон.

Сбросив одежду прямо на корзину для белья, Оуэн шагнул под горячую воду. Пар почти сразу затянул зеркало молочной дымкой. Запах апельсинового геля смешался с влажным ароматом старого дерева, которым неизменно пахли почти все дома в Блэквуде.

Горячая вода ласково стекала по плечам, смывая остатки сна, пока из душевой лейки не вырвался ледяной поток. Старые трубы снова напомнили о своем возрасте. Такое происходило здесь несколько раз в неделю. Оуэн только сильнее провел ладонью по волосам, позволяя холодной воде окончательно привести себя в чувство. Он давно перестал злиться на подобные мелочи. В каждом старом доме были свои недостатки, и этот был далеко не самым неприятным.

Он побрился, нанес немного одеколона с терпкими древесными нотами и подошел к старому платяному шкафу. На плечиках висело не так много одежды: несколько рабочих курток, джинсы, свитера и пара рубашек, которые он надевал редко. Сегодня взгляд остановился на темно-зеленой клетчатой рубашке. Он достал ее, расправил ткань, машинально проверяя, не осталось ли складок, и только потом уловил едва заметный запах кондиционера для белья.

Самому себе Оуэн ни за что не признался бы, что выбирает одежду из-за Норы.

Эта мысль казалась смешной для мужчины, которому недавно исполнилось тридцать. Но при встрече с Норой хотелось выглядеть чуть лучше обычного, хотя бы для того, чтобы самому чувствовать себя увереннее.

Надев чистое белье и клетчатую рубашку, Оуэн застегнул дубленку, несколько раз обернул вокруг шеи шерстяной шарф и закинул рюкзак на плечо. Перед выходом он по привычке проверил, выключен ли свет, дернул дверную ручку и только потом спустился вниз.

Подъезд уже опустел. Утренний час пик в Блэквуде длился недолго. Большинство жителей начинали работать рано, и к половине девятого улицы снова становились почти безлюдными. Лишь на первом этаже миссис Хейз мыла крыльцо, негромко напевая какую-то старую песню, а через дорогу мистер Донован, владелец автомастерской, уже поднял металлические рольставни своего гаража.

Оуэн снял велосипед с цепи и выехал на Клифф-роуд.

Он давно заметил, что Блэквуд никогда не просыпается одновременно. Сначала открывалась пекарня «Мейпл Бейкери», и уже через несколько минут половина улицы пахла свежим хлебом и булочками с корицей. Следом загоралась старая зеленая вывеска мясной лавки братьев О'Коннелл. Через дорогу миссис Бернс выставляла на тротуар деревянную стойку с газетами возле книжного магазина «Блэквуд Бук». А еще через несколько минут хозяин хозяйственной лавки «Харбор» выкатывал на улицу стойки с лопатами, граблями, резиновыми сапогами и мешками удобрений. Покупателей почти не было, но порядок никогда не менялся.

Оуэн проехал мимо здания городской ратуши с часовой башней, где часы неизменно спешили на четыре минуты. Никто уже не пытался их настроить. Старожилы говорили, что так было всегда. На площади перед ратушей коммунальные рабочие устанавливали деревянные конструкции для осенней ярмарки. Через две недели здесь должны были появиться фермерские палатки, соревнование по вырезанию тыкв и ежегодный конкурс на лучший черничный пирог. Для Блэквуда это было почти городское событие года.

Впереди показалась Мейн-стрит — единственная по-настоящему оживленная улица города. Возле кофейни «Соленый ветер» уже стояли несколько человек с бумажными стаканчиками в руках. Бариста Дилан что-то оживленно рассказывал постоянным посетителям, не переставая работать с кофемашиной. Рядом хозяйка антикварной лавки «Олд Компас» протирала витрину, заставленную корабельными компасами, латунными подзорными трубами, старыми морскими картами и пожелтевшими фотографиями китобоев. Туристы обязательно заходили туда хотя бы раз, даже если ничего не покупали.

Оуэн свернул с главной улицы на Парк-лейн. Здесь город постепенно менялся. Дома становились ниже, между ними появлялось больше деревьев, а за последними кварталами начинались фермерские хозяйства. Осенью поля выглядели спокойно. Комбайны уже закончили работу, и только на черничных плантациях еще трудились несколько человек, приводя кусты в порядок перед зимой. Черника давно стала для Блэквуда чем-то вроде местного символа. Из нее варили джем, делали соусы, пироги, мороженое, домашние настойки, а каждое лето проводили фестиваль, куда приезжали жители соседних городов.

Когда дорога сделала плавный поворот, между деревьями показались кирпичные корпуса деревообрабатывающего завода «Харпер Таймбер». Высокие окна отражали пасмурное небо, над трубами лениво поднимался дым, а за металлическим забором один за другим разгружались лесовозы. Когда-то все это принадлежало его отцу.

Оуэн невольно сбавил скорость.

Иногда ему казалось странным, что он мог стать директором одного из крупнейших предприятий округа, а вместо этого каждое утро ехал в городской парк пересаживать цветы, обрезать кустарники и спорить с ландшафтными дизайнерами из мэрии о том, где лучше посадить новые клены. Но стоило представить себя среди бесконечного шума пилорам, запаха машинного масла и ежедневных совещаний, как все сомнения исчезали сами собой. Он никогда не жалел о своем выборе.

Центральный парк «Редстоун» встретил Оуэна распахнутыми коваными воротами, украшенными переплетением дубовых ветвей. Ночные фонари уже погасли, и теперь дорожки освещало только холодное осеннее солнце. Газоны выглядели безупречно подстриженными, клумбы были аккуратно очищены от опавшей листвы, а возле круглого питьевого фонтанчика шумно плескалась стайка воробьев. По влажной траве, ловко перепрыгивая через корни старого дуба, пронеслась белка с желудем в зубах.

Оуэн привычно объехал центральную аллею и остановился у небольшого служебного здания с зеленой крышей. Прислонив велосипед к стене возле черного входа, он снял шлем и вошел внутрь.

На длинном столе лежали секаторы, мотки шпагата, пачки семян и стопка рабочих журналов. Кто-то недавно занес внутрь несколько горшков с георгинами, и они заняли почти весь проход.

— Ну ничего себе...

Оуэн поднял голову.

За стойкой стояла Бетти Магуайер.

Она поправила высокий черный хвост, медленно сняла рабочие перчатки и с нескрываемым удовольствием оглядела его с головы до ног.

— Харпер... — протянула она. — Это ты?

— Вроде пока да.

— Нет, подожди. — Она вышла из-за стойки и сделала вокруг него небольшой круг. — Рубашка. Чистые ботинки. Даже шарф завязан нормально. Ты кого-то собрался впечатлять?

Оуэн усмехнулся.

— Просто надел первое, что попалось.

Он сделал шаг в сторону шкафчиков и тут же зацепился ногой за горшок с георгинами.

— Осторожнее! — засмеялась Бетти. — Георгины-то в чем виноваты?

Оуэн тяжело выдохнул, поставил горшок обратно и виновато пожал плечами.

— Единственная чистая рубашка.

— Конечно.

Бетти села на край стола, скрестила руки на груди и прищурилась.

— Ты ведь понимаешь, что мне можно рассказывать?

Оуэн прекрасно понимал обратное.

Если Бетти Магуайер узнавала какую-нибудь новость, к вечеру ее обсуждали уже в очереди за хлебом, а на следующий день — во всей округе. При этом никто не держал на нее зла. Она никогда не сплетничала со злым умыслом. Просто искренне любила знать все обо всех.

— Ну? — не выдержала она. — Я жду.

Оуэн положил шлем на стол с инструментами и несколько секунд молчал.

Самому себе он еще ни разу не признавался, что ему действительно нравится Нора. До сих пор все это существовало где-то в мыслях: воскресные встречи, долгие взгляды, улыбки, которые почему-то запоминались лучше разговоров. Но стоило произнести ее имя вслух, как все становилось настоящим.

— Есть одна девушка...

Улыбка Бетти стала еще шире.

— Так-так...

— Ее зовут Нора.

— Уже лучше.

— Она работает флористом. В магазине «Зеленый дом», возле кладбища Святого Иуды.

Бетти несколько раз быстро кивнула, словно собирала показания свидетеля.

— Возраст?

— Что?

— Харпер, не тормози. Сколько ей лет?

— Не знаю.

— Фамилия?

— Эллис.

— Уже прогресс. Продолжай.

Оуэн невольно рассмеялся.

— Бетти...

— Адрес знаешь?

— Нет.

— Телефон?

— Нет.

— Хотя бы номер дома?

— Нет.

Она театрально всплеснула руками.

— Господи, да ты вообще с ней знаком?

— Конечно знаком.

— И сколько вы встречаетесь?

— Мы... не встречаемся.

Бетти на секунду замолчала, а затем звонко расхохоталась.

— То есть ты влюбился в девушку, адреса которой не знаешь, номера телефона не знаешь, даже написать ей не можешь, а сейчас специально надел чистую рубашку?

Оуэн тяжело выдохнул.

Со стороны это действительно звучало нелепо.

Последние серьезные отношения закончились еще в колледже. С тех пор прошло почти десять лет. За все это время у Оуэна было всего несколько неудачных свиданий, а секса — всего три раза, и все с одной и той же девушкой, с которой он тогда встречался. После расставания он больше ни с кем по-настоящему не сблизился. Сначала была смерть отца, потом переезд в Блэквуд, продажа завода, бесконечный ремонт старого дома. Работа постепенно заполнила собой все свободное время, а одиночество стало настолько привычным, что он перестал воспринимать его как проблему.

И вот теперь появилась Нора.

— Не смотри на меня так, — пробормотал он.

— Как?

— Будто я безнадежный.

— Нет, — Бетти покачала головой. — Будто тебе тридцать лет, а ведешь ты себя как шестнадцатилетний мальчишка, который впервые влюбился. И знаешь что?

— Что?

Она широко улыбнулась.

— Мне ужасно интересно, чем все это закончится.

Оуэн только покачал головой.

— Именно поэтому я не хотел тебе ничего рассказывать.

— Поздно, Харпер. Теперь это официально мое любимое событие недели.

Бетти развернулась к шкафу, достала несколько бумажных пакетов с декоративными тыквами, гирляндами из кленовых листьев и небольшими деревянными табличками. Сверху она положила маленький садовый совок и без лишних слов сунула все это в руки Оуэну.

— Держи. Сегодня украшаем оранжерею к Хэллоуину.

Она натянула рабочие перчатки, привычным движением поправила очки, снова съехавшие на самый кончик носа, и толкнула дверь бедром.

— А пока будем работать, я подготовлю тебя к разговору с твоей прекрасной незнакомкой.

Бетти хитро улыбнулась.

— Потому что, судя по всему, без моей помощи ты к пенсии так и не пригласишь ее выпить кофе.

Оуэн только закатил глаза и молча вышел следом.

Парк уже окончательно проснулся. По гравийной дорожке неторопливо бежал офицер Сэмми Коллинз — каждое утро он наматывал несколько кругов перед сменой. У пруда пожилая супружеская пара бросала уткам хлеб, а смотритель оранжереи мистер Фишер подстригал живую изгородь у центральной аллеи. Бетти успевала здороваться едва ли не с каждым.

— Доброе утро, Сэмми!

— Миссис Палмер, только не скармливайте им весь батон!

— Мистер Фишер, вы опять начали работать раньше всех?

Кажется, в Блэквуде не существовало человека, которого она не знала бы по имени.

— Ну? — не выдержала Бетти, развернувшись к Оуэну и продолжая идти спиной вперед. — Как вы вообще познакомились?

— С кем?

— Харпер...

Она тяжело вздохнула.

На самом деле эта история была довольно странной.

Оуэн жил в Блэквуде уже несколько лет, но в тот день решил прокатиться по дороге, которой раньше никогда не ездил. Он просто свернул не туда. Велосипед вывел его к старым кованым воротам кладбища Святого Иуды. До этого он видел его лишь из окна туристического автобуса, когда экскурсовод рассказывал о Великом шторме и старом маяке. Тогда кладбище показалось ему обычной городской достопримечательностью, не более.

Почему-то в тот день ему захотелось зайти внутрь.

Он прислонил велосипед к каменной ограде и переступил ворота. Вместо мрачного места его встретил удивительно тихий парк. Был разгар лета. Старые надгробия почти утонули в густой траве и плюще, вдоль тропинок цвели ромашки и колокольчики, а на одной из могил разросся огромный куст белых роз. Ветер лениво перебирал кроны деревьев, где-то стрекотали кузнечики, и только старые кресты напоминали о том, что когда-то это место было кладбищем. Но внутри что-то поменялось, и место показалось ему…*родным*, что ли.

Его взгляд привлек высокий холм.

Поднявшись наверх, он остановился. Перед ним открылся весь Блэквуд. С одной стороны возвышался белый маяк, чуть дальше темнели крыши домов, а у старого пирса медленно покачивались рыбацкие лодки. Оуэн присел на траву, опершись локтями о колени, и долго наблюдал, как одинокий катер возвращается в гавань. Ему вдруг показалось, что именно так и должен выглядеть настоящий выходной — без спешки, без шума, без необходимости куда-то бежать.

Позади тихо хрустнула ветка.

Обернувшись, он увидел девушку.

На ней было светлое платье с мелким цветочным узором. Оно выглядело немного старомодно, словно было куплено не в современном магазине, а найдено где-нибудь в винтажной лавке. Рыжеватые волосы мягкими волнами лежали на плечах, а в руках она держала корзинку с полевыми цветами. Она посмотрела на него спокойно, без тени удивления, и просто улыбнулась.

Следом на холм поднялись остальные. Лукас с гитарой за спиной, Софи, крепко прижимавшая к себе огромный термос, и Мартин со складным стулом и книгой под мышкой. Никто не спрашивал, что он здесь делает. Никто не смотрел с недоверием. Лукас первым нарушил тишину, предложив ему кофе, Нора подвинула край пледа, освобождая место, а спустя несколько минут Оуэн уже сидел рядом с совершенно незнакомыми людьми так, словно знал их не первый год.

С тех пор он начал приходить сюда каждое воскресенье.

— Вот так вот, — закончил Оуэн.

Бетти несколько секунд молча смотрела на него.

— Подожди… То есть вы каждое воскресенье добровольно собираетесь на кладбище?

— Получается, что так.

Она поморщилась.

— Жуть какая. Почему не как нормальные люди? В кофейне, в парке, в баре… Да хоть на том же пирсе.

Оуэн лишь пожал плечами.

Он и сам не раз задавался этим вопросом.

Когда они подошли к оранжерее, внутри уже вовсю кипела работа. Несколько садовников переносили кадки с хризантемами, двое рабочих разгружали тележку с тюками декоративной соломы, а возле центральной клумбы пожилой мистер Ричардс пересаживал молодые цикламены. Почти каждый, заметив Оуэна, здоровался с ним кивком или коротким «Доброе утро». Кто-то сразу спросил, куда поставить новые саженцы кленов, кто-то уточнил, какие растения отправятся на осеннюю выставку.

Хотя официально руководителем Оуэн не числился, в парке давно привыкли советоваться именно с ним. Он безошибочно помнил, какие цветы лучше переносят первые заморозки, где почва слишком влажная для молодых деревьев, а где весной раньше всего появляется солнце.

Сама оранжерея больше напоминала небольшой ботанический сад. Под высоким стеклянным куполом росли пальмы, лимонные деревья, орхидеи, огромные папоротники и десятки растений, привезенных из разных уголков мира. Одни так и не смогли привыкнуть к климату штата Мэн и существовали только благодаря постоянному уходу, другие, наоборот, чувствовали себя настолько хорошо, что за несколько лет успели упереться макушками в стеклянную крышу. В самом центре находился круглый каменный фонтан. От него по скрытым под плиткой трубам вода расходилась по всей системе полива. От фонтана вниз вели две широкие винтовые лестницы, из-за чего центральная часть оранжереи выглядела почти как зимний сад какого-нибудь старого особняка.

Оуэн принялся расставлять пластиковые тыквы вдоль дорожек, а Бетти, забравшись на стремянку, развешивала гирлянды из кленовых листьев и искусственной паутины.

— В этом году на хэллоуинской ярмарке будет настоящее столпотворение, — сказала она, поправляя гирлянду. — Миссис Лоусон рассказала, что соседние городки решили отказаться от своих праздников и провести все здесь, в Блэквуде. Представляешь? Центральную площадь перекроют, возле ратуши поставят сцену, на улице Портовой откроют фермерские ряды, а конкурс на лучший костюм снова пройдет возле маяка.

Оуэн лишь понимающе кивнул.

«Конечно, ты это знаешь», — подумал он.

Если в Блэквуде происходило хоть что-нибудь, Бетти каким-то невероятным образом узнавала об этом одной из первых.

Мысль о ярмарке неожиданно зацепилась за другую.

Нора.

А ведь ее действительно можно было пригласить. Просто прогуляться. Посмеяться над нелепыми костюмами, попробовать яблоки в карамели, купить пакет горячих жареных каштанов, посмотреть, как дети вылавливают яблоки из деревянных бочек с водой, а потом вместе пройтись по вечернему городу, украшенному сотнями фонарей и бумажных тыкв.

Это ведь даже не свидание.

Просто прогулка.

— О чем задумался? — голос Бетти выдернул его из мыслей.

Она смахнула с плеча искусственную паутину и хитро прищурилась.

— Даже не пытайся отрицать. Ты сейчас представлял, как приглашаешь Нору на ярмарку.

— Ничего подобного.

— Харпер, ты краснеешь.

— Не краснею.

— Краснеешь.

Оуэн молча поставил последнюю тыкву возле входа, выпрямился и незаметно вытер вспотевшие ладони о джинсы.

Бетти победно улыбнулась.

— Пригласи ее. Мне уже самой интересно посмотреть на девушку, из-за которой ты вдруг начал гладить рубашки.

Оуэн отвернулся к коробкам с украшениями.

— Пойду... развешу пластиковых пауков.

Шум грузовика донесся с улицы, на мгновение заглушив журчание фонтана. Через стеклянную дверь оранжереи вошел крепкий мужчина в темно-зеленом комбинезоне с нашивкой транспортной компании «Северный маршрут». Поправив выцветшую кепку, он раскрыл папку с накладными и подошел к одному из садовников. Они принялись сверять бумаги, время от времени поглядывая на стеллажи с растениями. До Оуэна долетали лишь отдельные слова — остальное растворялось в шуме кондиционеров и плеске воды, доносившемся с цокольного этажа. Бетти тут же насторожилась.

— Оуэн, — тихо позвала она, ткнув его локтем в бок и незаметно кивнув в сторону мужчины. — Это же поставщик из «Зеленого дома». Они каждый понедельник забирают у нас часть растений. Там ведь работает твоя Нора?

Оуэн, не переставая раскладывать пластиковых пауков между кадками с хризантемами, лишь коротко кивнул.

— Угу.

Бетти закатила глаза, выглянула из-за пальмы и несколько секунд наблюдала за поставщиком. Тот уже пытался в одиночку поднять тяжелый вазон с декоративным кипарисом, неловко придерживая его коленом.

— Видишь? — сказала она, довольно улыбнувшись. — Ему нужен помощник.

— Ему нужен грузчик, а не я, — спокойно ответил Оуэн, поправляя паутину на одной из стоек.

— Да какая разница? Он сейчас поедет в «Зеленый дом». Ты вместе с ним. Увидишь Нору, поговоришь с ней. Может, наконец пригласишь на ярмарку.

Оуэн усмехнулся, но головы так и не поднял.

— У тебя все в жизни сводится к чужим романам?

— Почти. Особенно когда эти романы развиваются со скоростью роста кактуса.

Оуэн покачал головой.

— Это глупая идея.

— Нет. Глупая идея — вздыхать по девушке и ничего при этом не делать.

Не дожидаясь ответа, Бетти уже быстрым шагом направилась к водителю.

Оуэн только успел тихо произнести:

— Даже не думай...

Но было поздно.

Он лишь наблюдал, как Бетти оживленно что-то объясняет мужчине, размахивая руками, а потом неожиданно указывает прямо на него. Водитель перевел взгляд на Оуэна, пожал плечами и снова посмотрел на бумаги.

Через несколько секунд Бетти уже возвращалась обратно.

— Ну? — тихо спросил Оуэн.

— Все отлично.

Она похлопала его по плечу.

— Я сказала, что ты у нас главный специалист по растениям и лично отвечаешь за перевозку особо капризных экземпляров. Если цветы доедут без повреждений, начальство будет счастливо.

— Бетти...

— Что?

В этот момент поставщик захлопнул папку и громко окликнул его:

— Эй, специалист! Если закончил любоваться тыквами, залезай в машину.

Оуэн молча поставил коробку с пластиковыми пауками обратно на полку. Выбора ему уже никто не оставил.

Когда он проходил мимо, Бетти не удержалась: с озорной улыбкой хлопнула его ладонью по ягодице и тихо пискнула:

— Любовь сама себя не построит!

Оуэн только поморщился и покачал головой.

Какая же все-таки Бетти была придурошная.

Именно поэтому работать с ней было удивительно весело.

Когда грузовик тронулся с места, за окном медленно поплыл парк. Из выхлопной трубы вырвалось густое облако сизого дыма, и машина, негромко урча двигателем, выкатилась на главную аллею. Оуэн устроился поудобнее у окна. Рабочие уже вовсю готовили парк к ежегодной хэллоуинской ярмарке. Между фонарями натягивали длинные оранжевые растяжки с черными треугольными флажками, возле центрального фонтана собирали деревянные торговые домики, а на клумбах вместо летних цветов появлялись аккуратные ряды хризантем. Между пожелтевшими кронами старых кленов носились птицы, то и дело вспархивая целыми стаями. По соседней дорожке торопилась группа школьников из академии Святого Патрика. Все были одеты в одинаковые темно-синие пиджаки, несли кожаные портфели через плечо и, не отрываясь от телефонов, торопились по дорожке. Со стороны они действительно походили на маленьких офисных работников, которые слишком рано начали взрослую жизнь.

До цветочной лавки возле кладбища было около двадцати минут пути. Водитель несколько раз лениво постучал пальцами по рулю, потом повернул ручку старого радиоприемника. Из динамиков заиграла местная радиостанция Блэквуда. Какая-то спокойная инди-группа неспешно перебирала гитарные аккорды, и музыка удивительно гармонировала с осенним городом, проплывавшим за окном. Оуэн даже прикрыл глаза.

Когда песня закончилась, раздался бодрый голос ведущего.

— А теперь о погоде. По данным метеослужбы, к побережью Мэна стремительно приближается мощный циклон. На всей территории штата ожидаются сильные ливни, грозы и штормовой ветер. Организаторы ежегодной хэллоуинской ярмарки пока не отменяют праздник, однако просят жителей следить за дальнейшими сообщениями.

Водитель тихо цокнул языком и убавил звук.

— Каждый год одно и то же. Как октябрь — так сразу шторм.

— Часто здесь такое бывает? — спросил Оуэн. Хотя сам прекрасно знал что да. Ему просто хотелось с кем-то поговорить, успокоить нервозность из-за встречи с Норой.

— Да постоянно. Это же побережье.

Он повернул на перекрестке и, не отрывая взгляда от дороги, добавил:

— Главное, чтобы не повторилось то, что было в семьдесят четвертом.

— Великий шторм?

— Угу.

Несколько секунд оба молчали.

— Вы его помните? — осторожно спросил Оуэн.

Водитель усмехнулся.

— Смутно. Я тогда пацаном был. Восемь лет. Помню только, как мать схватила меня за руку и потащила в магазин через дорогу. Мы там почти полдня просидели.

Он ненадолго задумался.

— Помню, все взрослые молчали. Никто не кричал, не паниковал...

Оуэн слушал, не перебивая.

— А потом кто-то сказал, что маяк не выдержит. Я выглянул... и увидел, как в сторону маяка несет рыбацкую лодку. Она ударилась о его стены, а через несколько секунд рухнула часть башни. Старый маяк тогда едва не развалился полностью.

— Я думал, его просто реконструировали.

— Реконструировали уже потом. После шторма там почти ничего целого не осталось.

Оуэн задумчиво посмотрел в окно.

Он читал о Великом шторме в городском архиве. Старые фотографии показывали разрушенные улицы, перевернутые лодки и дома, от которых остались лишь фундаменты. Но одно дело — пожелтевшие снимки, и совсем другое — человек, который видел все своими глазами.

— Пострадавших ведь было очень много?

Водитель медленно кивнул.

— Очень. Многие семьи тогда потеряли кого-то. Некоторых море так и не вернуло. А кладбище Святого Иуды... Оно после того шторма заполнилось почти целиком. Говорят, останки находили еще много лет спустя.

Оуэн нахмурился.

— Страшно представить.

Водитель снова прибавил радио, словно не хотел больше говорить на эту тему.

Оставшуюся часть дороги они ехали молча.

Когда за окнами грузовика сосновый лес начал подступать вплотную к дороге, а жилые дома почти исчезли из виду, Оуэн понял, что они приехали. Через несколько секунд между деревьями показалась небольшая деревянная лавка с темно-зеленой вывеской «Зеленый дом». На крыльце уже стояла девушка в длинном зеленом переднике. Она придерживала рукой распахнутую дверь и, заметив подъезжающий грузовик, широко улыбнулась, помахав водителю.

Конечно же, это была Нора.

Даже в пасмурное утро она будто приносила с собой немного света. Оуэн не раз ловил себя на мысли, что никогда не видел ее в плохом настроении. Она не смеялась громче остальных, не говорила без умолку, но рядом с ней становилось удивительно спокойно.

— Доброе утро! — крикнул водитель, выбираясь из кабины.

Оуэн невольно задержался на сиденье. Еще минуту назад идея приехать сюда казалась ему удачной, теперь же хотелось просто переждать, пока водитель разгрузит цветы, а потом спокойно вернуться обратно в парк. Он уже почти решил именно так и поступить, когда Нора заглянула в кабину.

Их взгляды встретились.

Сначала на ее лице появилось удивление, а затем улыбка стала еще шире.

— Оуэн? Вот уж кого не ожидала увидеть. Что ты здесь делаешь? Сегодня ведь понедельник.

— Привет, — немного смущенно улыбнулся он. — Временно повысили до помощника поставщика.

Нора тихо рассмеялась.

— Поздравляю с карьерным ростом.

От этого смеха Оуэн окончательно перестал жалеть, что приехал.

Он выбрался из кабины, обошел грузовик и подошел к открытому кузову. Водитель уже подтаскивал к краю тяжелый керамический вазон.

— Принимай.

Оуэн уверенно подставил руки, но стоило вазону оказаться у него, как он понял, что сильно переоценил свои возможности. Глина оказалась значительно тяжелее, чем выглядела со стороны. Он крепче сжал пальцы, стараясь удержать вес, однако мышцы в руках предательски напряглись.

Нора все поняла раньше, чем он успел что-либо сказать.

— Подожди.

Она мгновенно подхватила вазон снизу.

— Вместе будет проще.

Оуэн хотел было возразить, но лишь благодарно кивнул.

— Раз... два... понесли.

Они медленно поднялись по деревянным ступенькам. Дверь в магазин подпирал гладкий камень, чтобы она не захлопывалась от ветра. Над головой негромко звенел маленький колокольчик, подвешенный на старом ржавом гвозде, а табличка «Открыто» лениво покачивалась на цепочке. Они осторожно поставили вазон в холодильную комнату рядом с другими растениями, ожидавшими своих покупателей.

Водитель тем временем протянул Норе папку.

— Распишитесь здесь... и вот здесь.

Она быстро поставила подписи, вернула документы и пожелала ему хорошего дня.

— Ну все, — сказал водитель, убирая накладные обратно в папку. — Мы поехали.

Оуэн почувствовал, как внутри все сжалось.

Если сейчас сесть обратно в грузовик, то вся затея Бетти окажется бессмысленной. Она наверняка будет припоминать это ему еще не одну неделю.

Он быстро посмотрел на цветы, потом на Нору, будто ища повод задержаться.

— Я... пожалуй, останусь на несколько минут, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал как можно спокойнее. — Хочу проверить, не повредился ли вазон во время перевозки. Все-таки я теперь... главный специалист.

Последние слова он произнес уже с легкой улыбкой.

Нора едва заметно усмехнулась.

Кажется, она поняла, что настоящая причина была совсем другой.

Водитель безразлично пожал плечами.

— Как знаешь.

Через несколько секунд грузовик выехал со стоянки, оставив Оуэна одного посреди цветочной лавки.

— Так значит, здесь ты и работаешь? — спросил Оуэн, медленно проходя вдоль длинных деревянных стеллажей.

Он говорил больше для того, чтобы избавиться от неловкости, чем действительно ожидая ответа. Пока Нора подошла к кассе, сняла с крючка небольшую металлическую лейку и принялась поливать маленькие суккуленты, теснившиеся на столешнице, Оуэн успел осмотреть весь магазин. Изнутри он оказался куда больше, чем выглядел с улицы. Под самым потолком висели кашпо с плющом и папоротниками, между которыми тянулись тонкие веревки с высушенной лавандой и эвкалиптом. Старые деревянные стеллажи ломились от глиняных горшков всех размеров, мотков бечевки, секаторов, садовых ножниц, мешков с грунтом и удобрениями. На подоконнике выстроились десятки крошечных кактусов, а возле окна стояла старая стремянка, перепачканная зеленой краской. Магазин был явно тесноват для всего, что в нем находилось. Казалось, еще один привезенный цветок — и растения начнут вытеснять людей наружу. Но именно эта легкая небрежность делала помещение удивительно уютным.

— Почти вся моя жизнь проходит здесь, — ответила Нора, закончив с поливом и поставив лейку под прилавок. — Иногда мне кажется, что я провожу с цветами больше времени, чем с людьми.

— Завидую цветам.

Она подняла голову и тихо рассмеялась.

— Не стоит. Они тоже бывают очень капризными.

Несколько секунд они молчали. Оуэн неторопливо шел вдоль полок, разглядывая старые фотографии Блэквуда, вставленные в деревянные рамки. На одной был маяк до реконструк-

ции, на другой — центральная площадь, еще без ратуши, а на третьей он неожиданно узнал дорогу к кладбищу, только вместо леса по обеим сторонам тянулись аккуратные жилые дома.

— Вообще-то... — наконец произнес он, не отрывая взгляда от снимков. — Я сегодня собирался приехать к тебе еще до того, как Бетти отправила меня с поставкой.

— Правда?

— Просто захотелось посмотреть, как вы все живете за пределами кладбища. Мы ведь, если задуматься, знаем друг о друге до смешного мало. Я ни разу не видел Софи в больнице, Лукаса — в мастерской, Мартина — в университете. Да и тебя... Только среди цветов и венков.

Нора задумчиво провела ладонью по листьям большого фикуса.

— Я иногда тоже об этом думаю. Забавно получается. Каждое воскресенье мы проводим вместе почти целый день, а потом будто исчезаем из жизни друг друга до следующей недели.

— И никого это не смущает.

— Наверное, потому что всех устраивает.

Она сказала это спокойно, но в голосе промелькнула едва заметная грусть.

Оуэн остановился возле старинного медного колокольчика в виде голубя, висевшего у двери, и машинально коснулся его пальцами. Колокольчик тихо звякнул, словно подтверждая ее слова.

— Этот магазин очень старый?

— Старше меня раза в четыре, — улыбнулась Нора. — Его построили еще до Великого шторма. Тогда здесь была обычная улица. Люди жили почти до самого кладбища. Потом океан забрал половину домов, остальные разобрали сами жители. После шторма центр города перенесли ближе к ратуше, а этот район постепенно опустел. Остались только магазин, кладбище и несколько домов.

— Значит, ты всю жизнь прожила здесь?

— Всю.

— И никогда не хотелось уехать?

На этот раз Нора ответила не сразу. Она отвела взгляд к окну.

— Когда была младше — хотелось. Сейчас уже нет.

Она сказала это настолько тихо, что Оуэн почему-то почувствовал: дело вовсе не в любви к Блэквуду. Просто существовала причина, о которой она не собиралась рассказывать.

Он глубоко вдохнул.

Если не сейчас, то уже никогда.

— Вообще... я хотел пригласить тебя на ярмарку. В следующую субботу.

Нора посмотрела на него. Ее улыбка никуда не исчезла, но стала другой — спокойной, немного печальной, словно она заранее знала, что этот разговор однажды состоится.

— Не уверена, что получится.

— Из-за работы?

— Не только из-за нее.

Она провела пальцами по лепесткам белой хризантемы и лишь потом продолжила:

— Передают сильный шторм. Если прогноз оправдается, директор точно попросит меня остаться. Да и... не люблю я такую погоду.

Оуэн попытался скрыть разочарование, но, видимо, не слишком успешно, потому что Нора сразу заметила перемену в его лице.

— Но ярмарку ведь могут и не отменить.

— Могут.

Оуэн почувствовал, как внутри медленно оседает разочарование.

Нора заметила это раньше, чем он успел отвернуться.

— Приезжай в пятницу.

Он поднял голову.

— Почему именно в пятницу?

— Тогда я уже точно буду знать. — Она наконец снова улыбнулась. — И дам тебе ответ.

Оуэн кивнул.

— Договорились. — Он уже собирался уходить, но вдруг вспомнил еще один вопрос. — Слушай... у тебя правда нет телефона?

Нора тихо рассмеялась.

— Правда.

— Совсем?

— Совсем.

— И тебе нормально?

Она пожала плечами.

— Мне нравится ждать встречи. Когда не можешь написать человеку через минуту, начинаешь ценить момент, когда наконец его увидишь. Разговор становится... настоящим.

Оуэн усмехнулся.

— Звучит немного старомодно.

— Возможно.

Она наклонила голову.

— Но мне нравится.

Оуэн улыбнулся.

— Тогда до пятницы?

— До пятницы.

Когда он вышел из магазина, колокольчик над дверью снова тихо звякнул. Он уже успел спуститься с крыльца, когда за спиной раздался голос Норы.

— Оуэн!

Он обернулся.

Она стояла в дверях, придерживая рукой створку, чтобы ее не захлопнул ветер. Несколько прядей выбились из волос и легли ей на лицо.

— А это... свидание?

Он почувствовал, как предательски начинают гореть щеки.

— Думаю... да.

Нора ничего не ответила.

Только улыбнулась — так тепло, что у Оуэна внутри вдруг стало удивительно спокойно.

Он еще долго ощущал эту улыбку, пока шел по дороге к лесу, а когда случайно обернулся, Нора всё еще стояла на крыльце, глядя ему вслед.

И впервые за долгое время ему показалось, что ожидание пятницы может оказаться самым долгим ожиданием в его жизни.

Глава 3.

Вечер среды проходил среди пустых коробок из-под пиццы, жестяных банок пива и очередного фильма, который Бетти нашла на просторах интернета. На экране компьютера уже почти час происходило что-то невероятно важное для героев, но совершенно неинтересное для них двоих. Они то и дело перебивали актеров собственными разговорами, спорили о начальстве, жаловались на подготовку парка к праздникам и смеялись над тем, как руководство каждый год обещало премии, а вместо этого приносило коробку дешевого печенья в комнату персонала.

Оуэн поймал себя на мысли, что именно такие вечера ему нравились больше всего. Без обязательств. Без необходимости производить впечатление. Просто возможность молча сидеть рядом с человеком, которого давно знаешь.

Когда-то все могло сложиться иначе.

Это произошло несколько лет назад после корпоратива сотрудников парка. Тогда Бетти перебрала настолько, что не могла ни назвать свой адрес, ни ровно стоять на ногах. Домой она ехать отказалась, а через минуту уже забыла, что вообще куда-то собиралась. Оуэну ничего не оставалось, кроме как поймать попутную машину и привезти ее к себе.

По дороге она громко подпевала песне, звучавшей только у нее в голове, путала слова, смеялась собственной икоте и так заразительно хохотала, что в нескольких домах на их улице загорелся свет. Кто-то даже выглянул из окна посмотреть, кого это принесло среди ночи.

Подняться на третий этаж оказалось настоящим испытанием. Бетти то обнимала его за шею, почти повисая всем весом, то вдруг останавливалась посреди лестницы, утверждая, что ступенек стало больше. Уже в квартире Оуэн усадил ее на тахту и принялся стаскивать высокие сапоги. Она сопротивлялась совершенно без причины, пыталась натянуть их обратно и все время смеялась так, будто происходило что-то невероятно веселое.

Наконец обувь оказалась на полу. Оуэн помог ей подняться, чтобы довести до спальни. Бетти была удивительно легкой. Он осторожно уложил ее на кровать, открыл окно, впуская прохладный ночной воздух, и уже собирался поправить съехавшее одеяло, когда она неожиданно открыла глаза.

Несколько секунд она просто смотрела на него. Оуэн уже собирался выйти из комнаты, но почувствовал, как ее пальцы неожиданно сомкнулись на ткани его футболки.

— Не уходи...

Голос был тихим, сонным и совершенно не похожим на ту громкую Бетти, которая еще полчаса назад распевала песни на всю улицу.

Она медленно притянула его к себе. Между ними осталось всего несколько сантиметров. Оуэн ощущал тепло ее дыхания, смешанное с запахом вина, мяты и едва уловимым ароматом духов, которыми она пользовалась каждый день. Несколько секунд он просто смотрел ей в глаза, будто пытался понять, осознает ли она вообще, что делает.

Потом она сама сократила это расстояние.

Поцелуй оказался неожиданно нежным. Ее ладонь скользнула по его щеке, затем остановилась на затылке, перебирая короткие волосы. Оуэн ответил почти машинально. Последние годы одиночества давали о себе знать, и в тот момент ему отчаянно не хотелось снова оставаться одному.

Бетти улыбнулась уголками губ, не разрывая поцелуя, и осторожно провела ладонью по его груди. Он чувствовал, как быстро колотится ее сердце. Его собственное билось ничуть не спокойнее.

Футболка первой оказалась на полу.

За ней последовала ее одежда.

Через несколько мгновений они оба уже лежали рядом, почти не замечая разбросанных по комнате вещей. Из приоткрытого окна слышался прибой, а где-то за стенкой у соседей продолжал работать телевизор. По местному каналу шла ночная документальная передача «Дикая Америка», рассказывавшая о белых медведях и научной экспедиции в Арктику. Голос диктора доносился до спальни глухо, словно из другой жизни.

Оуэн провел ладонью по ее спине. Под пальцами чувствовалась прохладная кожа и маленькая родинка чуть ниже левой лопатки. Бетти вздрогнула, снова притянула его к себе и уткнулась лицом ему в шею.

Именно тогда он понял, насколько она пьяна.

Ее движения становились все медленнее. Взгляд постоянно терял фокус. Она что-то тихо пробормотала, но сама уже не смогла закончить фразу.

Оуэн осторожно коснулся ее щеки.

— Нет... Так нельзя.

Она недовольно вздохнула, словно ребенок, которого разбудили слишком рано, попыталась снова прижаться к нему, но уже через несколько секунд окончательно обмякла.

Она уснула.

Оуэн еще некоторое время сидел на краю кровати, глядя в темное окно. Затем молча поднялся, подобрал с пола белье, натянул трусы, следом джинсы и футболку. Оглянувшись на спящую Бетти, он аккуратно укрыл ее одеялом до плеч, выключил свет и тихо прикрыл дверь спальни.

Остаток ночи он провел на старом диване в гостиной. Оуэн лежал, сцепив руки за головой, и думал только об одном: утром Бетти, скорее всего, ничего не вспомнит.

Утром Бетти помнила все.

Проснувшись с тяжелой головой, она долго сидела на краю кровати, прижимая к вискам кружку крепкого кофе, а потом сама первой заговорила о случившемся. Она извинилась за свое поведение и, заметно смущаясь, призналась, что алкоголь превращает ее в совершенно другого человека.

— Это моя дурацкая особенность, — тогда сказала она, не поднимая глаз. — Стоит мне перебрать — и мне начинает казаться, что я влюблена в первого встречного. Могу полезть целоваться, могу даже в постель залезть... А утром становится так стыдно, что хочется эмигрировать в Канаду.

Она нервно усмехнулась, покрутила кружку в руках и добавила уже спокойнее:

— На самом деле мужчины меня вообще мало интересуют. По крайней мере... в трезвом состоянии.

Оуэн тогда лишь понимающе кивнул.

Они договорились забыть ту ночь так, будто ее никогда не существовало. И, надо признать, оба свое обещание сдержали. С тех пор никто из них больше не возвращался к этому разговору. Их дружба пережила тот неловкий эпизод и будто стала только крепче.

— Ты, кстати, так и не рассказал, как все прошло с Норой, — голос Бетти выдернул Оуэна из воспоминаний.

Она сидела на полу, скрестив ноги перед журнальным столиком, и доедала уже третий кусок пиццы. На экране какой-то детектив безуспешно пытался поймать убийцу, но никто из них уже давно не следил за сюжетом.

Оуэн сделал большой глоток пива.

Вчера он специально взял выходной, соврав начальству, что остаток дня мучился с желудком. На самом деле, после возвращения от Норы, он просидел дома все оставшееся время. Несколько раз заваривал кофе, потом чай, бесцельно ходил по квартире и в итоге сел за кухонный стол с блокнотом, составляя список тем для разговора с Норой. В этом списке были

десятки вопросов — от вполне нормальных до совершенно нелепых. «Любимый фильм?», «Какой месяц года тебе нравится больше всего?», «Кто был твоим любимым персонажем в детстве?» Оуэн прекрасно понимал, насколько смешно это выглядит, но с готовым списком почему-то становилось спокойнее.

— Пригласил, — наконец ответил он.

Бетти моментально перестала жевать.

— И?.. — протянула она, прищурившись. — Не тяни.

— Она сказала приехать в пятницу к ней в магазин. Тогда и даст ответ.

Бетти театрально закатила глаза.

— Господи... Она бы еще голубя тебе отправила с запиской.

Оуэн рассмеялся, схватил диванную подушку и несильно шлепнул ее по плечу.

— Да иди ты.

Она поднялась, собрала пустые коробки из-под пиццы и скрылась на кухне. Через секунду оттуда донесся грохот мусорного ведра.

— А ты сама с кем идешь на ярмарку? — крикнул Оуэн, открывая новую банку пива.

— С Самантой.

— Это которая с рыбного рынка? Блондинка с синими прядями?

— Она самая.

Бетти вернулась в гостиную, на ходу вытирая руки кухонным полотенцем, и снова плюхнулась на диван.

— Может, пересечемся там? — предложил Оуэн. — Если Нора согласится... Посидим вчетвером.

Бетти задумалась.

— Можно. Только если вы с Норой начнете романтично смотреть друг другу в глаза, мы с Самантой уйдем кататься на колесе обозрения. Не хочу быть третьей лишней.

— Вас вообще будет двое.

— Тем более.

Фильм закончился. Оуэн поднялся с дивана, свернул вкладку с фильмом и повернулся к Бетти. Та уже заворачивала остатки пиццы в салфетку и без особой осторожности бросила их в свой потертый холщовый портфель, из которого торчали свернутый дождевик, рабочие перчатки и какая-то книга с засушенным между страниц кленовым листом.

— Думаю, мне пора, — сказала она, поднимаясь с дивана и приглаживая ладонью растрепавшийся хвост.

— До завтра.

— До завтра. И не забудь в пятницу побрызгаться одеколоном. А то заявишься к своей Норе с запахом удобрений.

Оуэн только закатил глаза.

— Иди уже.

Бетти рассмеялась, натянула кеды, подхватила портфель и, уже открывая дверь, показала ему язык.

— Любовь делает из людей зануд.

— А сплетни делают из некоторых людей катастрофу.

— Зато веселую.

Она исчезла за дверью прежде, чем он успел придумать достойный ответ.

Оуэн защелкнул замок и по привычке подошел к окну. Бетти уже спускалась по открытой деревянной лестнице, перепрыгивая сразу через две ступеньки. У самого подъезда она едва не налетела на мистера Брауна с первого этажа, извинилась, что-то быстро ему рассказала, отчего пожилой сосед громко рассмеялся, после чего помахала рукой и скрылась за углом.

Улица вновь опустела.

Оуэн еще несколько секунд смотрел во двор, пока Бетти не скрылась за углом дома. Ее шаги постепенно растворились в тишине улицы, и вскоре остался только привычный шум Блэквуда — ветер, шуршащий листьями вдоль деревянных заборов, и где-то далеко глухой звук волн, разбивающихся о берег. Он не спешил отходить от окна. После разговора с Бетти в квартире стало непривычно пусто.

Его взгляд случайно упал на часы.

Семь вечера.

До полного наступления темноты еще оставалось время, и идея провести весь вечер дома вдруг показалась ему скучной. В голове снова возник разговор с Норой. Ее осторожная улыбка, то, как она попросила приехать в пятницу, ее спокойный голос, в котором Оуэну почему-то послышалось больше, чем просто вежливость. Возможно, он просто хотел верить в это. Возможно, он слишком давно ждал чего-то подобного, чтобы сейчас сомневаться.

Он еще раз посмотрел на фотографию на холодильнике, задержался на секунду дольше, чем обычно, а затем направился в спальню переодеваться.

Через десять минут он уже ехал по знакомой дороге к кладбищу Святого Иуды. Воздух стал холоднее, чем днем, и ветер неприятно пробирался под воротник куртки, но Оуэн не жалел, что решил выйти из дома. Иногда ему нравились такие вечера — когда город постепенно затихал, когда люди возвращались домой, закрывали двери и включали свет в окнах, а Блэквуд становился почти таким же, каким был десятки лет назад.

Кладбище показалось впереди быстрее, чем он ожидал.

Кованые ворота были открыты, как всегда. Каменные гаргульи по бокам входа смотрели на дорогу своими грубыми лицами, покрытыми временем и мелкими трещинами. Оуэн пристегнул велосипед к старому металлическому ограждению, снял шлем и вошел внутрь.

Сегодня здесь было неожиданно много людей.

Обычно вечером кладбище пустело. Большинство жителей Блэквуда предпочитали не задерживаться здесь после заката, даже если никто всерьез не верил в старые городские легенды. Но сейчас между могилами ходили люди, разговаривали, смеялись. Трое подростков расположились возле старого склепа и оживленно спорили о какой-то видеоигре, перебивая друг друга так громко, что их голоса разносились по всей аллее. Женщина в длинном пальто медленно шла рядом с собакой, иногда останавливаясь возле памятников. Пожилой мужчина сидел на скамейке возле часовни и читал газету, словно находился не на кладбище, а в городском парке.

Несколько раз ему показалось, что люди смотрят на него. Не просто замечают нового человека, а словно пытаются понять, кто он такой. Оуэн даже остановился и обернулся, но все вокруг занимались своими делами. Подростки продолжали спорить, женщина пыталась заставить собаку идти дальше, а мужчина у часовни перевернул страницу газеты.

Он пожал плечами и поднялся выше по холму.

Наверху было значительно тише. Здесь почти не слышались голоса людей, только ветер гулял между старыми деревьями и иногда заставлял сухие листья скользить по земле. Оуэн расстелил плед и лег, глядя в темнеющее небо.

Он думал о пятнице.

О том, что скажет Нора. О том, как странно будет увидеть ее не среди могил и старых деревьев, а среди людей, музыки и ярких огней ярмарки. Он представлял, как они будут идти рядом, как она будет смеяться над чем-то совершенно незначительным, как он наконец перестанет чувствовать себя двадцатилетним студентом, который впервые пытается пригласить девушку на прогулку.

Эта мысль заставила его улыбнуться.

Наверное, со стороны он выглядел нелепо — взрослый мужчина лежит вечером на кладбище и улыбается собственным мыслям. Но ему было все равно.

— Кхм.

Оуэн медленно открыл глаза.

Сначала он подумал, что ему показалось.

Но через секунду услышал снова.

— Прошу прощения.

Он повернул голову. Рядом стоял мужчина. Оуэн не заметил, как тот подошел. Высокий, худой, в длинном черном пальто. Темные волосы падали на лицо, скрывая часть черт, а в руке он держал сигарету, от которой поднимался тонкий дым.

Несколько секунд мужчина просто смотрел на него.

— Не будете против, если я присяду?

Вопрос прозвучал спокойно, без давления.

Он молча кивнул.

Мужчина сел на край пледа, оставляя между ними небольшое расстояние. Некоторое время они просто смотрели вперед, каждый думая о своем.

— Редко вижу здесь людей в такое время, — наконец сказал незнакомец.

Оуэн слегка кивнул.

— Видимо, я не самый обычный человек.

Мужчина посмотрел на него.

На его лице появилась едва заметная ухмылка.

— Это я уже заметил.

Оуэн не нашелся, что ответить, поэтому просто посмотрел обратно на кладбище.

Через несколько секунд мужчина протянул руку.

— Виктор ван Фюген.

Оуэн пожал ее.

— Оуэн Харпер.

И в этот момент он почувствовал странное.

Рука Виктора была ледяной. Не просто холодной от вечернего воздуха, а холодной так, будто этот человек долго находился где-то, где не должно быть живых людей. Оуэн невольно задержал взгляд на его лице. Виктор заметил это.

— Простите, — спокойно сказал он, убирая руку. — У меня всегда холодные руки.

Он произнес это так буднично, словно подобное происходило каждый день. Виктор потом затянулся сигаретой вновь. Он отвернулся в сторону людей, что ходили снизу. Оуэн проследил за его взглядом.

— Как ты думаешь, все ли они живы?

Вопрос прозвучал настолько неожиданно, что Оуэн не сразу понял, о ком вообще идет речь. Он машинально проследил за взглядом Виктора вниз, туда, где между старыми надгробиями неторопливо бродили люди. Подростки по-прежнему сидели прямо на широком основании одной из семейных усыпальниц, перебивая друг друга. Чуть дальше женщина медленно шла по аллее, держа на поводке небольшую белую собаку. Старик в темной шляпе остановился возле часовни и долго стряхивал тростью налипшие листья с ботинок. Самая обычная картина для этого места.

— В каком смысле? — наконец спросил Оуэн, нахмурившись.

Виктор не ответил сразу. Он глубоко затянулся сигаретой, будто вопрос вообще не требовал пояснений, затем выпустил дым через нос и спокойно произнес:

— В самом прямом. Ты уверен, что все они настоящие?

Оуэн усмехнулся.

— Конечно. А кто же еще?

— Не знаю. Поэтому и спрашиваю.

Он говорил совершенно серьезно. Именно это и было самым неприятным. Если бы Виктор ухмылялся или строил из себя любителя мистики, Оуэн давно бы поднялся и ушел. Но тот сидел совершенно спокойно, наблюдая за людьми так, словно видел в них что-то, чего не видел никто другой.

Оуэн снова посмотрел вниз.

И только теперь начал замечать мелочи.

Подростки говорили о какой-то игре, которую он прекрасно помнил еще со своего детства. Один из них держал в руках кассетный плеер с облезшей наклейкой рок-группы, давно исчезнувшей с афиш. Женщина была одета так, словно только что вышла из фотографии семидесятых годов: длинное клетчатое пальто, тонкий пояс на талии, лакированные туфли и маленькая круглая шляпка. Даже прическа казалась старомодной. Старик тоже выглядел так, будто последние лет сорок просто не замечал существования времени.

— Странные они какие-то... — тихо пробормотал Оуэн.

— Вот именно.

Виктор повернулся к нему впервые за весь разговор. Его лицо оставалось почти неподвижным, только темные глаза внимательно изучали Оуэна, словно ждали, когда тот наконец увидит очевидное.

— А теперь посмотри себе за спину.

Оуэн невольно обернулся.

Совсем рядом, почти вплотную к пледу, стояло старое надгробие, которого он почему-то раньше даже не замечал. Камень почти целиком скрывался под толстым слоем мха и плюща. Ветви дикого винограда оплели фотографию так плотно, что от нее остался лишь едва заметный серебристый уголок рамки.

— Что там?

— Сам посмотри.

Оуэн поднял с земли сухую сосновую ветку и осторожно провел ею по камню. Влажный мох слезал тяжелыми пластами. Сначала появилась верхняя часть овальной фотографии. Потом лоб. Затем глаза.

У него внутри что-то неприятно сжалось.

Нет...

Он торопливо соскреб остатки зелени, уже не обращая внимания на дрожащие руки.

Веснушки.

Курносый нос.

Та же улыбка.

Те же мягкие черты лица.

Это была Нора.

Фотография выцвела почти полностью, превратившись в серо-белое пятно, но ошибиться было невозможно. Даже прическа, высокая, аккуратно уложенная, была ей удивительно к лицу, хотя выглядела явно старомодно. Под портретом начали проступать буквы.

Оуэн даже не успел прочитать имя.

Он резко повернулся к Виктору.

— Что это?..

Но рядом уже никого не было.

Виктор неспешно спускался с холма, засунув руки в карманы пальто, словно разговор закончился именно там, где он и планировал.

— Подождите!

Никакой реакции.

— Виктор!

Мужчина продолжал идти.

Оуэн вскочил на ноги.

— Да стойте же! Что это было?!

Он резко дернулся вперед и ударился коленом о край письменного стола. Сердце колотилось так сильно, будто он только что бежал вверх по кладбищенскому холму. Несколько секунд он непонимающе озирался по сторонам, пока взгляд не остановился на настольной лампе, заливавшей письменный стол теплым желтым светом. Щека неприятно чесалась. Он провел по ней рукой и обнаружил прилипшую фотографию. Осторожно отклеив ее, Оуэн увидел пожилую женщину с маленьким белым терьером на руках. Видимо, он снова заснул прямо за работой.

Стол был завален архивными документами, газетными вырезками и старыми снимками, которые он уже несколько месяцев собирал в городской библиотеке Блэквуда. История города неожиданно затянула его настолько, что вечерами он мог часами просиживать за пожелтевшими газетами, забывая даже о времени. Среди разложенных фотографий его взгляд задержался на одной. Трое подростков в одинаковых школьных пиджаках стояли перед кирпичным зданием школы Святого Патрика. Они широко улыбались в объектив, не подозревая, что этот снимок станет одним из последних.

Оуэн хорошо помнил газетную статью, лежавшую рядом. Во время Великого шторма 1974 года школа Святого Патрика оказалась почти на самом пути разбушевавшегося океана. Само здание позже признали аварийным и окончательно снесли, а северное побережье на долгие годы превратилось в руины. В тот день домой не вернулись трое учеников. По официальной версии они решили срезать дорогу вдоль берега, когда шторм уже набирал силу. Через несколько дней море отдало тело только одного мальчика. Второго так и не нашли, а от третьего спустя несколько месяцев обнаружили лишь школьный портфель, прибитый волнами к скалам. Именно поэтому эта фотография до сих пор хранилась в городском архиве — как напоминание об одной из самых страшных трагедий в истории Блэквуда.

От всего этого голова буквально шла кругом. Надо же было такому присниться — мозг бессовестно смешал воедино лица с архивных фотографий, рассказы о Великом шторме, Нору, кладбищенский холм и того странного незнакомца с ледяной рукой. Неудивительно, что после нескольких часов, проведенных за пожелтевшими документами, сознание выдало подобную нелепицу.

Оуэн устало потер переносицу и закрыл папку с архивными материалами. Бумаги тихо зашелестели, когда он аккуратно сложил их стопкой.

— Хватит на сегодня, — негромко произнес он в пустую комнату.

За окном ветер уже раскачивал ветви старого клена, растущего у дома напротив. Где-то вдалеке громыхнуло — совсем слабо. По радио и телевизору весь день твердили о приближающемся циклоне, и, судя по всему, синоптики на этот раз не ошибались.

Оуэн выключил настольную лампу. Комната сразу стала почти темной, лишь огни старого деревянного пирса, видневшегося между домами, лениво мерцали в вечерней дымке. Он решил, что пора заканчивать с этой историей Блэквуда. По крайней мере на время. Последние несколько дней он только и делал, что читал архивы, старые газетные вырезки и воспоминания очевидцев, а теперь уже начал видеть их во сне. Ничего хорошего из такого увлечения выйти не могло.

Он направился в ванную, надеясь, что горячий душ поможет окончательно выбросить из головы весь этот исторический хлам. Если, конечно, старые трубы снова не решат устроить ему очередной ледяной сюрприз. После этого останется только лечь спать — завтра предстоял рабочий день, а вечером он собирался наконец съездить в дом отца. Хотелось посмотреть, как продвигается реставрация, поговорить с рабочими и решить, когда можно будет начинать перевозить мебель.

Глава 4.

Работа шла полным ходом. Центральный парк был почти полностью готов к ежегодной ярмарке. Между деревьями уже висели таблички и постеры о предстоящих событиях на ярмарке, вдоль дорожек выстроились деревянные торговые домики, а возле сцены рабочие заканчивали натягивать полосатый навес. Правда, настроение у большинства было далеко не праздничным. После ночной грозы по городу только и говорили, что о надвигающемся шторме. На Центральной улице ветер повалил несколько кленов, а местная газета уже вышла с заголовком: «Повторится ли Великий шторм?»

Оуэн с Бетти сидели в своем небольшом вагончике для садовников, пережидая короткий перерыв. За окном кто-то перегружал ящики с семенами, в соседнем помещении гудел холодильник для рассады, а внутри пахло влажной землей, кофе и удобрениями. Бетти болтала без остановки, сидя на столе и раскачивая ногой.

— Представляешь, вчера у меня вырубило свет ровно в тот момент, когда судья уже собиралась объявить приговор. Я чуть не расплакалась.

— Опять твой «Суд по-соседски»? — усмехнулся Оуэн, перебирая банки с удобрениями.

— Между прочим, это лучший сериал на местном телевидении. Вчера судили женщину, которая украла восемь банок маринованных корнишонов из магазина «Фермерская лавка». А адвокат доказывал, что она сделала это исключительно из любви к домашним бургерам.

Оуэн тихо рассмеялся.

— А потом?

— А потом как шарахнет молния! — Бетти театрально развела руками. — За окном все стало белым, словно кто-то включил прожектор прямо в спальню. Через секунду весь дом погрузился во тьму. Пробки выбило намертво. Теперь жду электрика. И самое обидное — я так и не узнала, посадили ее или оправдали.

Оуэн поставил очередную банку на верхнюю полку и, немного помолчав, сказал:

— А мне сегодня ночью приснился очень странный сон.

Бетти тут же оживилась.

— Надеюсь, ты хотел сказать «очень сексуальный»?

— Нет. Просто странный.

— Тогда уже не так интересно.

Он рассказал ей все, что запомнил: кладбище, мужчину в длинном черном пальто, его холодную руку, странные вопросы и фотографию девушки, которая оказалась удивительно похожа на Нору. Пока он говорил, Бетти впервые за долгое время почти не перебивала. Только крутила в руках садовые перчатки и изредка хмурилась.

Когда рассказ закончился, она несколько секунд молчала.

— Вот честно? Это архивы виноваты. И твое кладбище. Ты уже несколько недель только и делаешь, что читаешь про шторм, смотришь старые фотографии и торчишь среди могил. Конечно тебе такое сниться будет.

Оуэн пожал плечами.

— Мне просто интересно понять город, в котором я теперь живу. Здесь ведь всю жизнь прожил мой отец.

— А мне неинтересно. Я здесь родилась, выросла и прекрасно существую без всех этих призраков, старых газет и легенд.

— Это потому что ты скучная.

Бетти даже не ответила. Она молча схватила лежавшую рядом тряпку и с такой меткостью запустила ее в Оуэна, что та угодила ему прямо в лицо. Он снял ее, посмотрел на Бетти, и оба одновременно расхохотались.

Отсмеявшись, Бетти слезла со стола, поправила хвост и уже совершенно серьезно посмотрела на него.

— Слушай, проблема вообще не в кладбище.

— А в чем?

— В том, что у тебя секса не было... сколько? Лет восемь?

— Спасибо, что напомнила.

— Да пожалуйста. Ты слишком много думаешь. Архивы, штормы, семейные истории, какие-то вещие сны… Нормальный мужик после работы думает совсем о другом.

— Например?

— Например, как пригласить красивую девушку не на кладбище, а в гостиницу «Маяк». Там, между прочим, номера недавно обновили. Даже джакузи поставили. Пригласи туда свою Нору, выключи наконец мозги и займись тем, чем взрослые люди обычно занимаются на свиданиях.

Оуэн закатил глаза.

— Бетти…

— Что «Бетти»? Я о твоем психическом здоровье забочусь.

Щеки Оуэна предательски вспыхнули. Он поспешил отвернуться, делая вид, что слишком увлечен рюкзаком. Слова Бетти почему-то не выходили из головы. Он даже представить не мог себя и Нору в гостиничном номере, с задернутыми шторами, в полной тишине, когда весь остальной мир остается за дверью. Такие мысли казались почти неприличными. Он давно уже перестал думать о близости как о чем-то реальном. Да и какие вообще могли быть отношения, если у них с Норой еще даже не состоялось первого свидания?

Рабочий день подходил к концу. На улице постепенно сгущались сумерки, последние посетители спешили покинуть парк, а сотрудники один за другим расходились по домам. Оуэн застегнул рюкзак, убрал рабочие перчатки и начал наматывать на шею клетчатый шарф. Бетти тем временем натянула свою любимую ярко-красную вязаную шапку с двумя огромными помпонами — нелепую, но удивительно ей подходившую. Она привезла ее после зимней поездки в Портленд вместе с Самантой и с тех пор носила при любой возможности, даже когда на улице было не настолько холодно.

— Тебя подвезти? — спросила она, застегивая куртку.

— Сегодня не домой.

Бетти сразу прищурилась.

— Так-так... И куда же мы направляемся?

— Хочу заехать в свой дом. Посмотреть, как там продвигается иой пятилетний ремонт. Если все будет нормально, в следующем месяце уже переберусь туда.

— Мы столько лет знакомы, а я его даже не видела. Нет, так не пойдет.

Она уже рылась в карманах, разыскивая ключи от пикапа.

— Поехали. Любопытство меня когда-нибудь погубит.

Оуэн лишь улыбнулся. Вообще-то компания была даже кстати. Бетти обладала редким талантом разговаривать с кем угодно. Если рабочие опять начнут кормить обещаниями, именно она сможет за пять минут добиться от них большего, чем сам Оуэн за час неловких вопросов. Конфликтов он не любил и всегда старался обходить их стороной, а ремонт дома растянулся почти на пять лет. Для любого другого хозяина это давно стало бы поводом устроить скандал, но не для него.

Они вышли из вагончика последними. Бетти щелкнула выключателем, заперла дверь на тяжелый навесной замок, и парк окончательно погрузился в вечернюю тишину. Пока она быст-

рым шагом направлялась к парковке, Оуэн подкатил велосипед, снял с него сумку и аккуратно уложил его в кузов старенького темно-синего пикапа. Только после этого забрался на пассажирское сиденье. Бетти сразу включила печку, и прохладный салон постепенно наполнился теплым воздухом.

— Адрес? — спросила она, поворачивая ключ в замке зажигания.

— Эппл-стрит, сорок четыре.

Пикап мягко выкатился за ворота парка. Почти сразу Бетти подключила телефон к магнитоле, и салон заполнил тяжелый электронный ритм. Бас глухо отдавался в дверях, а она, не переставая следить за дорогой, привычно отбивала пальцами такт по рулю. Иногда Оуэну казалось, что Бетти вообще случайно оказалась в Блэквуде. В ней было слишком много энергии для маленького прибрежного городка. Ей подошел бы Сиэтл, Портленд или любой другой большой город, где улицы не засыпали уже после восьми вечера. Он легко представлял ее за стойкой шумного бара или в концертном клубе, но никак не среди клумб, теплиц и мешков с удобрениями.

Следы ночной грозы встречались повсюду. Вода еще стекала с крыш, вдоль бордюров бежали мутные ручьи, несколько дорожных знаков заметно перекосились от ветра, а молодые деревья на обочинах все еще стояли, накренившись так, будто не успели оправиться после удара стихии. Машин почти не попадалось. Рыбаки в это время обычно еще работали на причалах, а владельцы небольших магазинов закрывались не раньше восьми вечера.

Они свернули с Оак-стрит на Эппл-стрит — одну из самых спокойных улиц северного побережья. Здесь почти каждый дом выглядел так, словно его построили еще полвека назад и с тех пор бережно передавали по наследству. Белые деревянные фасады, широкие застекленные веранды, качели, подвешенные под навесами, аккуратные яблоневые сады за низкими заборами. По меркам Блэквуда именно здесь стояли настоящие особняки. Одни хозяева превращали свои участки в маленькие фермы с теплицами и декоративными мельницами, другие устраивали просторные террасы с шезлонгами и каминами под открытым небом.

Дом Оуэна ничем не стремился выделиться. Двухэтажный, светло-серый, с высокой двускатной крышей и широкой верандой, он выглядел спокойно и даже немного скромно на фоне соседей. Из-за разросшихся кустов сирени уже виднелись строительные леса, а за домом по-прежнему оставалась старая детская площадка с деревянным кораблем и ржавыми качелями. Рабочие не раз предлагали снести ее, но Оуэн каждый раз отказывался. Ему почему-то хотелось, чтобы она дождалась новых детей.

— Приехали, — сказала Бетти, заглушив двигатель.

Они оба вышли из пикапа. Подъездная дорожка уже была залита новым бетоном, гаражные ворота покрашены в темно-зеленый цвет, а сам дом выглядел почти законченным. Лишь высокая трава, разросшаяся по участку, да строительный мусор возле забора напоминали, что ремонт до сих пор официально не завершен. Дом выглядел именно таким, каким Оуэн представлял его в своих мыслях последние несколько лет.

— Хороший домик... — Бетти медленно обвела взглядом участок. — Я думала, там развалина, а тут почти дворец. И это все что сделали за пять лет?

Оуэн лишь улыбнулся краешком губ и поднялся на крыльцо. Ступени больше не скрипели. Это было первое изменение, которое он заметил. Он провел ладонью по свежевыкрашенным перилам, открыл дверь и вошел внутрь.

Дом встретил запахом дерева, свежей краски и строительной пыли. Просторная прихожая переходила в огромную гостиную с камином. Из широкого проема виднелась кухня — раза в три больше той каморки, которую он снимал сейчас. По полу были аккуратно сложены рулоны ковролина, коробки с плиткой и запакованные светильники. Лестница на второй этаж наконец-то обрела нормальные перила, которых еще месяц назад не было.

— Есть кто-нибудь? — громко позвал Оуэн.

Из дальней комнаты почти сразу появился мужчина лет сорока в рабочем комбинезоне. На поясе висели отвертки, рулетка и строительный нож. Увидев хозяина дома, он заметно напрягся.

— О, мистер Харпер... Не ожидали вас сегодня.

— Привет, Джон. Решил посмотреть, как идут дела.

— Да все отлично. Работа движется. Остались буквально мелочи...

Оуэн слышал эти самые *мелочи* уже почти пять лет. Каждый его приезд сопровождался одним и тем же набором обещаний. Еще немного. Еще пару недель. Нужно дождаться поставки. Нужно закончить проводку. Нужно кое-что переделать. Нужно еще немного доплатить. И каждый раз дом оставался недоделанным ровно настолько, чтобы нельзя было сюда переехать.

— Так когда все-таки можно будет въехать? — спокойно спросил он.

Джон неловко почесал шею.

— Ну... понимаете... осталась отделка второго этажа... потом терраса... потом...

Бетти до этого молча ходила по гостиной, разглядывая потолок и окна. Она остановилась. Очень медленно повернулась к строителю. На ее лице все еще оставалась привычная улыбка, но глаза внезапно стали совершенно холодными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.